

Валентина Абилова

ДОБРОВОЛЕЦ

Внуку Шуаиба — Георгию

Вима пришла рано. С первых дней ноября 1942 года на просторах российской земли установились крепкие морозы. Холодный ветер крутил и мел снегами. По радио глухо звучали тревожные сообщения с фронта. Идут жаркие бои, но круг военных действий все расширяется. Фашистские войска быстро продвигаются по всем направлениям, неся разрушение и смерть. Положение — тяжелое. Вот и сама природа чутко откликнулась на людское горе — войну. Белый, снежный саван лег на нашу землю...

Вражеская «паутина» уже зацепила и Крым, Северный Кавказ. Четко обозначился Закавказский фронт. Продвижение врага на юг имело целью не только взятие нефтяных районов, но и в большей мере отвлечение наших главных сил резерва, чтобы ослабить Московский фронт. Враг желал добиться успехов при ударе на Москву.

Каспийское море штормило. Громады волн с крошкой льда и песка несли пронизывающий до костей холод. Водная стихия, цвета свинца, шумно дышала, жила.

Ранним утром к морю шел человек. Резкий ветер соленой влагой хлестал его лицо, раздувал тяжелую черную бурку. Что привело пожилого человека сюда, столь рано и в такое ненастье? Об этом знал только он сам...

Шуаиб широко расставил ноги, чтобы устоять от порывов ветра, остановился. Ему надо побыть только одному, чтобы принять верное решение — вот что привело его сюда! Судьба не раз приводила его к морю: и в радость, и в горе. Он любил Каспий. Сейчас, стоя один, он внутренне обрел покой, как бы растворился в

бесконечной водной стихии...Пламя его души слилось с разумом. Он получил ясный ответ своей мысли. Легко и свободно стало Шуаибу от пришедшего решения. Во весь голос, чтобы слышать себя, он крикнул:

– Я иду! Иду на фронт, добровольцем! У меня есть еще сила бить врага!

Решение, принятое у моря, как всегда было правильным. Прожитая более полувека жизнь — подтверждение этому.

Шуаибу было пятьдесят три года, когда началась Великая Отечественная война с гитлеровской Германией. От груза тяжелых жизненных испытаний он рано поседел. Волевой, мужественный, суровый на вид, но с добрым сердцем — был уважаем односельчанами за знания, ум, справедливость и умение руководить огромным виноградарским совхозом в селении Берикей, что рядом с древним Дербентом.

Еще до революции Шуаиб получил высшее образование в г. Баку. (Был из древнего рода наибов Имам-Кули, которые со времен Петра I всегда держались русской ориентации.) Юность Шуаиба совпала с революцией, становлением Советской власти на Кавказе. Это были тяжелые годы испытания мужества. Он достойно принял новую жизнь, был искренне верен новой власти. Всю жизнь Шуаиб сохранял тот божественный дар души, начало начал, шедший еще от предков, который был той силой, жившей в нем всегда — совесть!

Теперь он стоял, обдуваемый морским ветром, переполненный счастьем любви к миру, всему живому! Он не боялся быть убитым в бою.

«Жизнь прожита не зря, — рассуждал он. — Я трудился и работал честно. Я построил дом. Давно плодоносит огромный сад, посаженный моими руками. Жизнь продолжается в детях. Их нужно защищать, особенно теперь, когда враг близко!..»

Утро уже полностью вступило в свои права, яркие звезды стали гаснуть. Да, нужно возвращаться домой. Шуаиб, отходя от берега моря, свистнул своему коню. Стройный Агат, с развивающейся гривой, ответил ржанием. Он с радостью приблизился к хозяину.

Вот и селение с центральной дорогой, вымощенной камнем, ведущая к древнему источнику. Это прекрасный родник с прозрачной, холодной в любую пору, вкуснейшей, чудной водой! Недалеко от него, на привычном месте, сидят три стар-

ца. В бурках и папахах, с седыми бородами, они смотрелись, как братья-близнецы. Пришпорив коня, Шуаиб с легкостью соскочил на землю. Две молодые женщины с полными кувшинами шли навстречу ему, уважительно поздоровались, и каждая пожелала:

– Да принесет вам день удачу во всех делах!

– Как эти полные чистой водой кувшины!

– Спасибо, спасибо красавицы! — ответил Шуаиб. — Да будет легкой ваша ноша!

Он подошел к почтенным аксакалам с поклоном, пожал каждому руку, обменявшись добрыми словами:

– Приветствую вас, мудрейшие! Да светится воля всемилостивого алаха и пошлет вам здоровья!

С хрипотцой в голосе, не торопясь, старики задавали вопросы:

– Что скажешь, Шуаиб?

– Какие новости? Есть ли почта с фронта?

– Да, да! Есть ли письма от ушедших на войну?

– Зачем ездил в Дербент ?

Шуаиб, отвечая, наклонился ближе — аксакалы плохо слышали. (Самому «молодому» из них — Гусейну — было 89 лет. Ахмеду — 93 года. Старейший — Мусаиб — точно не знал свой возраст. Родные говорили, что ему больше 100 лет. Конечно, все они из прошлого, 19 века. Да и сам Шуаиб оттуда, но по сравнению с ними он еще молодой джигит!) После ответов торжественно произнес:

– Ухожу добровольцем на фронт!

– Вах! Вах! Вах! — зачмокали старики.

– А кто будет руководить таким большим хозяйством? — спросил Гусейн.

– А, незаменимых нет! Найдут кого поставить на мое место. Я принял решение...Почему решил идти воевать? — Сделав паузу, Шуаиб разгладил свои пышные усы. — Вот вчера был на совещании в Дербенте. Идет война. Тяжелая война.

– Любая война тяжелая, так было всегда! — сказал Ахмед.

– Да, правильно сказал! — согласился Шуаиб. — Вот я и говорю: весь Краснодарский край уже оккупирован фашистами, они почти рядом! — Он указал рукой в сторону гор. — А я могу твердо держать ружье, я меткий стрелок.

– Верно говоришь, ты отличный стрелок, охотник! — сказал Ахмед.

Шуаиб продолжал :

– Кто из молодых остался здесь? Нет никого! А я должник перед нашей армией. Сыновей на фронт не отправил, имею только одних дочерей. Я воин в своей семье, обязан в тяжелую минуту помочь армии. Мои мысли давно на фронте!

– Правильно решил, Шуаиб! Правильно! — сказал Гусейн.

– Верно, дорогой! — подтвердил Ахмед.

Кивая в знак одобрения, старцы смотрели на мудрого Мусаиба, но тот продолжал молчать. Можно было подумать, что он спит, опустив голову. Но Шуаиб стоял и ждал. Вдруг Мусаиб выпрямил спину, вынул из-под бурки свою правую, жилистую руку. Приложил ее к груди и, глядя в глаза Шуаиба, сказал:

– Беда не приходит одна! Нам и твоей семье будет тяжело без тебя. Человек многого добивается, где сам верит в свои силы. Далека твоя дорога, но правильная. Не теряй бодрости. Слушай свое сердце! Да будет так! — Он опустил голову, замолчал.

Получив благословение, поддержку, Шуаиб заулыбался и стал прощаться:

– Спасибо тебе, ата-джан, за добрые слова! Время не ждет — завтра утром я должен быть в Дербенте...

Войдя во двор своего дома, Шуаиб увидел родных женщин, которые пекли на улице хлеб, хлопотали по хозяйству. Ему были рады все. Уж так сложилась его жизнь, что первая жена нарожала ему четырех дочерей. Шесть лет назад тяжело заболела и оставила его вдовцом. Он любил ее, очень горевал, не мог забыть. Но жизнь продолжалась. Три дочки уже имеют свои семьи. Теперь он дед, у него растут внуки.

А по уговору родных, три года назад он женился. Анакиз была моложе его на двадцать лет. Тихая, красивая, но тоже вдова. Женщина вошла в его дом со своей маленькой дочкой.

Во время свадьбы мужчины шутили: «Шуаиб! У тебя такой цветник! Такие розы! Ты хозяин в своем саду — ты садовник!»

В его каменном большом доме всегда было чисто, тепло и гостеприимно. Обстановка говорила о соблюдении родовых традиций. Старинная мебель, много книг, в идеальном порядке развешано старинное оружие в серебре с чеканкой, охотничьи трофеи в виде шкур. Чучела хищных птиц, огромное количество красивых рогов

разной величины и формы. Эта коллекция передавалась из поколения в поколение. Все мужчины рода Шуаиба любили охоту...

А сейчас Шуаиб сбросил бурку, разулся и ступил на мягкий ковер, поднялся в детскую. Приятный, чистый запах комнаты, где живут дети. Шуаиб любил приходить сюда. Молодая жена подарила ему долгожданного сына. Крепкому, веселому малышу два года. Он любимец сестер, всех родных, особенно его — Шуаиба. Да, сейчас в этой комнате шумно — играют дети. Их много — с началом войны замужние дочери с детьми перебрались жить к нему. Проводив мужей на фронт, решили, что вместе легче вести хозяйство и воспитывать детей.

Шуаиб подхватил сына на руки, поднял над головой.

— Сын! Дорогой мой сын! Я иду на войну! Ты понимаешь? Я уезжаю...

За спиной стоит в рассеянности Анакиз, прикрывая краем платка лицо. Что? Она плачет? Шуаиб подошел к ней с сыном на руках, обнял за плечи:

— Не надо, не надо плакать, моя джан — Анакиз! Ты знала, что я так решу. Война есть война. Каждый мужчина должен воевать, защищать свою Родину, дом, семью. Я уйду ради детей, ради их будущего. Ради всех вас, мои дорогие, любимые!

Собравшиеся женщины уже не сдерживали слез. Заголосили. Дети, глядя на матерей, начали хныкать и реветь.

Шуаиб гладил сына по черным кудрям.

— Рости сильным, умным, добрым, смелым! Люби маму, сестер, всех родных! Помни меня! — Он крепко прижал ребенка к груди, поцеловал и поставил на пол.

— Мне нужно выехать в Дербент уже сегодня, — обратился он к дочерям. — Ох как много дел нужно уладить с руководством! Дорогие мои, ну хватит плакать. Все! А теперь давайте собираться!

Он быстро вышел из детской, чтобы скрыть свое волнение.

Шуаиб был хорошим организатором не только на службе, но и дома. Отлично воспитал дочерей. Уже давно был заведен порядок: все они слаженно имели хозяйственные обязанности. Поэтому в сборе не было суеты. По его указанию: «Ничего лишнего!» — собрано было все быстро необходимое: провизия, теплые, но легкие вещи.

Он пришел проститься к жене. Понял, как ждала его Анакиз! Пла-

ток с головы снят. Длинные, черные, как шелк, волосы распущены, оттеняют нежное лицо, шею...

Анакиз была моложе его старших дочерей. Она, как жена, не нарушила порядка в доме, влилась в семью, как чистый ручеек в реку.

Шуаиб, прощаясь с женой, был поражен и обрадован ее словами: «Дорогой мой муж, весной у нас будет ребенок!» Она плакала у него на плече, а он успокаивал ее, как мог.

– Я рад! Я горжусь тобой! Будь умница — береги себя и детей!.. К весне я буду уже дома. Я первым возьму на руки ребенка. А война скоро кончится, и мы заживем весело! Зацветут сады! Будет много солнца!

Анакиз успокоилась. Теперь оба мечтали о счастливой мирной жизни, о сыне, и о будущем ребенке. Быстро пролетело их время...

Шуаиб прощался с большой семьей дома, без посторонних глаз. Каждому дал сердечный наказ: и дочерям, и внукам. Его авторитет, главы семьи, был огромен. Он был той крепостью, большой надежной защитой, которая нужна всегда всем. Был строг со взрослыми, ласков с детьми, но все чувствовали его силу, справедливость и любовь.

Теперь, без него, будет плохо...

К обеду погода вовсе испортилась. Резкий, холодный ветер пригнал рваные низкие тучи с морозящим колючим дождем. И стало так грустно от протяжного воя собак! Но знакомый сигнал грузовой машины заставил забыть непогоду. Все оживились. Выйдя на улицу, Шуаиб был приятно поражен: в машине сидели еще одиннадцать добровольцев! Это были джигиты его возраста, но то, что двое из них — юнцы, его насторожило. В одном Шуаиб узнал Эмина — младшего брата своей Анакиз. Отговаривать рвущихся на фронт ребят бесполезно. Он понял это сразу.

Их провожали матери, родные, все говорили наперебой:

– Похлопочите за них!

– Ну нет им еще восемнадцати лет, ничего — скоро будет!

– Выглядят они старше своих лет! А то и так сбегут на фронт, давно рвутся к своим отцам.

Шуаиб кивал головой и думал, что с таким народом мы обязательно победим...

Сбор добровольцев в Дербенте завтра ровно в шесть утра, нужно ехать, чтобы ночевать в Доме колхозника. Слава алаху! Будем держаться вместе!

Весть о его добровольном уходе на фронт разнеслась еще рано утром. Он как бы дал пример другим. Добровольцев пришли провожать в основном женщины, дети, старики. Они теперь остаются одни в громадном селении. Слезы с дождем делали их лица чистыми и одухотворенными. Перебивая друг друга, желали быстрого возвращения, протягивали узелки в дорогу — все от чистого сердца...

Прощаясь с людьми, Шуаиб испытывал огромное чувство уважения и любви к ним. Он благодарил всех, говорил бодро, успокаивал, вселял надежду на победу и возвращение всех мужчин в родной Берикей...

И долго еще бежали дети за машиной.

Удаляясь, уменьшалось и вскоре совсем исчезло из виду родное селение. Укрытые бурками добровольцы, крепко держались друг друга, плечо к плечу.

Война! Она сама расставила точки в судьбах наших добровольцев, разбросав их по всему фронту. Но Шуаиб с Эмином это не коснулось — они были вместе.

Шли ожесточенные бои. Гитлеровцы рвались к Грозненскому нефтяному району. 19 ноября 1942 г. советские войска правого крыла Закавказского фронта под командованием генерала И. В. Тюленева нанесли первые удары на Моздокском и Нальчикском направлениях. Вот здесь-то наши герои и приняли первое боевое крещение...

Оборонительные бои кончились — началось контрнаступление. Вражеские войска отступали с Кавказа. В силу вошел лозунг всей нашей Армии — «Ни шагу назад!» Вскоре советские воины-альпинисты сбросили с Эльбруса ненавистный флаг со свастикой. Окружение огромной вражеской группировки в Сталинграде грозило и немецким войскам на Кавказе.

... В январе 1943 г. в районе Майкопа, в жестоком бою Шуаиб, прикрывая Эмина своим телом, получил смертельное ранение в голову...

Светлая память всем погибшим в борьбе с фашизмом!

Спасибо за то, что они приблизили Победу мирной жизни!

Весной, в мае 1943 г., когда в Дагестане цвели сады, у Анакиз родилась девочка. Брат Анакиз — Эмин — дошел до Берлина. После войны учился в медицинском институте и стал отличным хирургом. Род Шуаиба по мужской линии продолжается...

Москва, 2002 г.

Об авторе. Валентина Николаевна Абилова — дочь военнослужащего. Раннее детство провела в Финляндии, где ее отец работал в советском консульстве. С началом Великой Отечественной войны возвратилась в Москву. Театральный художник. Несколько лет работала на телевидении в программе «Спокойной ночи, малыши!». Пишет рассказы, которые публиковались в коллективных сборниках.